

О.В. Павленко

ОСМЫСЛИВАЯ «ДОЛГИЙ XIX ВЕК»: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

(К выходу 5 тома научного издания

Всемирная история: В 6 т. Т. 5

Мир в XIX веке: На пути к индустриальной цивилизации /

гл. ред. А.О. Чубарьян; отв. ред. В.С. Мирзеханов.

М.: Наука, 2014. 939 с.)

Как соотносить современность и воображаемую «реальность прошлого»? Ведь настоящее приобретает особый смысл и значимость прежде всего при сопоставлении с прошлым. Современность вносит свои коррективы в историческую память. Неудивительно, что каждое поколение историков создает свою хронометрию и интерпретацию эпох. Русский философ М.В. Ильин писал об особой зависимости между «реальным временем» и «историческим временем», которое измеряется циклами политических обновлений. Действительно, историческая перспектива позволяет преодолеть представление о том, что любое изменение есть новация в повседневном масштабе. Важнее – *качество повторяемости*. Структуралистский подход с его причинно-следственными объяснениями позволяет выявить типологии в историческом развитии. Но описательные нарративы раскрывают лишь линейную последовательность событий: предпосылки – причины – ход действия – последствия.

Во время третьей волны «больших дебатов» в гуманитарных науках в 1980-е гг. речь шла уже не столько о способе описания, сколько о соотношении предмета и объекта исследования и взаимосвязях между ними. Стремление преодолеть ограниченность познания, перешагнуть через барьеры жесткой хронологии позволило крупным ученым и научным школам по-новому осмыслить междисциплинарное качество социального мира. Пятый том «Мир в

XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации» создан в рамках большого научного проекта «Всемирная история» (главный редактор А.О. Чубарьян). Он написан на основе новой методологической культуры, которая за последние два десятилетия постепенно утвердилась в российской исторической науке. В его структуре нет четких демаркационных линий эпох. Текст не привязан к хронологии. Замысел издания гораздо масштабнее традиционного описания исторических процессов с «общими закономерностями» и линейными «объяснениями». Его научная концепция основана на онтологическом понимании социального мира, сформировать которое невозможно без междисциплинарного подхода, объединяющего различные направления гуманитарного знания. Во главу угла авторы поставили сравнительное изучение «интересов» и «идентичностей», континуитета правил и норм, регулирующих систему ценностей в каждом изучаемом сообществе и на уровне региональной и глобальной коммуникации.

Это позволило реконструировать «долгий» XIX в. с 1789 по 1914 г. во всем многообразии взаимосвязей, асинхронностей, диалектики пространств и времени. Соответственно сквозными темами, пронизывающими главы и разделы, стали социальные процессы. Они протекали одновременно на разных континентах, в авангардных европейских империях, национальных государствах и на периферии. Структура тома подчинена основной идее – представить читателю, как конструируется XIX в. в исторической памяти современного общества. В нем выделены три крупных раздела. В первом разделе показаны тенденции глобализации, проявившиеся в развитии индустриального общества – от промышленной революции до политики. В самом большом по объему, концепциям и фактическому материалу втором разделе «Мир-система XIX века: империи и нации» представлена вся палитра государственности, ее переходные формы, динамика и качество развития. Завершает том третий раздел «Межгосударственные и международные отношения в XIX – начале XX века» – единственный, в котором было сохранено традиционное хронологическое изложение.

Особый интерес, на мой взгляд, вызывают введение «XIX век в мировой истории: проблемы, подходы, модели времени» и заключение «Мир в XIX веке: исторические итоги и обращенность в будущее», написанные ответственным редактором тома В.С. Мирзехановым. В них содержится концептуальное осмысление истории человечества от Французской революции до Первой мировой войны. Поставлен ключевой вопрос: почему XIX в. стал предтечей динамичных процессов современной глобализации? Введение

задает новую «систему координат», обобщая опыт современной отечественной и зарубежной историографии. В заключении подводятся итоги исследования и выделяются темы, важные для понимания исторического континуитета прошлого и современности. В.С. Мирзеханов выстраивает линию ключевых сюжетов – демографический взрыв, технологическая революция, урбанизация, стандартизация, рационализация веры, либерализация политики, русский XIX в., мировой порядок XIX в., *Fin Du Siècle*. Характеризуя основную тенденцию времени, В.С. Мирзеханов справедливо отмечает: «По мере того, как мировые процессы становились все более взаимосвязанными, формы действия людей по всему миру начали походить друг на друга, наметилась тенденция глобальной унификации. Возрастающее единообразие проявлялось не только на примере таких крупных институтов, как армия, церковь или суд, но и в том, как люди одеваются, разговаривают, едят, ведут себя дома. При этом усложнилась внутренняя структура самих обществ и государств» (С. 845).

В этой связи уместно провести сравнение пятого тома «Всемирной истории» с фундаментальным исследованием немецкого историка Юргена Остерхаммеля «Преобразование мира. История XIX века»¹. Появление этого труда стало настоящим прорывом в мировой историографии. Влияние идей и подходов Ю. Остерхаммеля на пятый том «Всемирной истории» не подлежит сомнению, недаром его труд – наиболее цитируемый в этом издании. Сам Ю. Остерхаммель признает, что написал его в полемике с исследованием Кристофера Бейли «Рождение современного мира, 1780–1914 гг.: глобальные связи»². Оба автора по-своему видят истоки глобализации и «вечные темы» XIX в. – колониализм / империализм; нации / империи. По сути, это контролируемая игра ассоциаций и аналогий на основе междисциплинарного синтеза. Но если К. Бейли интересуют больше всего вопросы национализма и религии, то Ю. Остерхаммель создает масштабную панораму миграций, экономических циклов, трансформации пространств, империй, регионов.

XIX в. был «веком Европы», поэтому немецкий историк предлагает читателям «наиболее европоцентричный» портрет эпохи³. Он выделяет «континуитетные линии» значимых процессов, пронизывающие XIX в. Сам он критически относится к стремлению структуралистов везде находить «коды целостности». Гораздо важнее – описать изменения в их спонтанности, своеобразии, изначальной неинтегрированности. Ему блестяще удалось сформировать новый взгляд на мир и повседневность XIX в. Ведь только

в масштабе глубинного исторического времени проступает общий план мировых преобразований.

Такой же подход мы видим и в пятом томе «Всемирной истории», где XIX в. предстает как историческая реальность с изменчивыми пространственными и временными параметрами. В первом разделе показаны те коренные изменения в организации экономики, государства, общества и политики, которые привели в движение гигантские массы капитала, товаров, услуг, миграционных потоков, вызвали демографический взрыв. Особенно, на мой взгляд, удались главы по экономике, социальным процессам, религии и образованию. Авторы смогли показать процессы на национальном и транснациональном уровнях. Но при этом сохранить приоритет за темами о человеке. Ведь все глобальные преобразования влекли серьезные изменения в структурах повседневности. Как менялись качество и стиль жизни людей в бурных потоках индустриализации? Как преобразилась роль женщин в обществе? Как политика, благодаря газетам, перестала быть привилегией аристократических гостиных и правительственных кабинетов, стала массово растиражированным явлением? На эти вопросы авторы выдвигают свои ответы, основанные на сопоставлении широкого эмпирического материала.

Конечно, каждая из глав отличается по стилю и методам аргументации. В разделе «Медицина» подробно описано развитие новых направлений в диагностике, гигиене и лечении. Но нет даже упоминаний о состоянии общественных больниц, госпиталей, о модных увлечениях курортами «на водах». В разделе с многообещающим названием «Языки культуры» представлен текст с традиционным описанием достижений в области философии, музыки, литературы, изобразительного искусства. Хотя уже несколько десятилетий успешно развиваются конструктивистские подходы в изучении культуры, в которых ставятся глубокие вопросы об эклектизме XIX в., формах «кодирования» общественного пространства, культуре салонов и общественных праздников. Увы, культура бала со своими особыми ритуалами и условностями, социальными барьерами, так и не была удостоена внимания. Но разве возможен XIX в. без вихря вальса от императорских дворцов до скромных столовых, где мастеровой люд предавался радостям танца? А культурные трансферы и имитации, кардинальное изменение роли моды...

Впрочем, когда речь идет о таком крупном исследовании, как пятый том «Всемирной истории», стоит говорить не о горизонте ожиданий, а о сделанном. Прделана огромная работа по сопоставлению национальных нарративов с глобальными контекстами. На-

стоящей удачей стал второй раздел книги «Мир-система XIX века: империи и нации». А.И. Миллер в методологическом разделе об империях и нациях поставил важный вопрос о «национализме имперских наций» и необходимости преодоления в историографии противопоставления наций-государств империям (С. 248–257). В 24 главах охвачены все основные регионы мира. Конечно, представленные тексты сильно отличаются. Одни из них – блестящие комплексные исследования, другие – реферативное изложение общих трудов, иногда далеких от уровня современной историографии. Но в значительном большинстве авторам удалось мастерски показать, как имперские проекты внутри крупных метрополий взаимно дополняли и развивали национальные проекты. Большой удачей, на мой взгляд, является подход к теме «колониализма», который представлен как ключевой феномен коммуникативных практик европейских и неевропейских обществ. Процесс экспансии и ассимиляции в пределах имперских границ, реальных и воображаемых, ярко показан в главах о Юго-Восточной Азии, арабском мире, Иране, Китае. Они прекрасно дополняют главы, посвященные европейским империям и национальным государствам, а также судьбам государств Нового Света.

Третий раздел «Межгосударственные и международные отношения в XIX – начале XX века» реконструирует масштабную картину дипломатических отношений. Три главы, в соответствии с устоявшейся хронологией, последовательно описывают военно-дипломатическую историю и интересы держав от наполеоновских войн до революций 1848–1849 гг.; от Крымской войны до войны 1870–1871 гг. и провозглашения Германской империи; от наступления эпохи «реальной политики» до Первой мировой войны. В них подробно излагаются основные изменения, которые происходили в системе европейского равновесия. Показано, как принцип монархической солидарности стал постепенно сменяться «политикой интересов», соображениями прямой и ощутимой выгоды у старых и новых членов «клуба великих держав». Тем не менее, как точно формулирует А.В. Ревякин, «соотношение в силах основных держав изменилось, но их общий баланс, заметно поколебленный революциями и войнами 1848–1871 гг., несмотря ни на что, сохранился» (С. 813). Но «грубая военная сила по-прежнему играла большую роль, чем право» (С. 824), хотя параллельно развивалась «политическая культура компромиссов». В целом этот раздел развивает лучшие традиции дипломатической истории в отечественной историографии, заложенные еще известным трехтомным изданием «История дипломатии».

Когда речь идет о всемирной истории, как правило, острые дискуссии вызывает вопрос о роли и месте России в глобальных контекстах. В пятом томе найдено, на мой взгляд, оптимальное решение. Русские темы присутствуют фактически во всех методологических и обобщающих главах, где изложение построено по принципу сравнительно-исторического анализа. Какую бы грань мирового развития мы ни рассматривали – индустриализацию или культуру, взаимодействие европейских империй или колонизацию Востока, международные процессы – везде представлена Россия. Наша страна выступает не только как великая держава, но прежде всего как органичная часть общеевропейской системы. Глубокий анализ Российской империи в сравнении с другими многосоставными государствами провел А.И. Миллер (С. 246–264). С большим знанием источников и историографии написана отдельная глава «Русский XIX век» В.С. Парсамовым (С. 450–504). При изложении был использован персональный принцип, поскольку власть в России всегда была предельно персонифицирована. Автор провел комплексное исследование внутренней и внешней политики всех шести монархов в XIX в. Параллельно с государственными тенденциями В.С. Парсамов рассматривает также темы о развитии гражданских инициатив и различных форм коммуникаций в российском обществе. Он показывает постепенное преобразование России в думскую монархию.

Особо стоит отметить научно-справочный аппарат пятого тома. Каждая глава снабжена библиографией отечественных и зарубежных трудов. В конце издания представлены указатели имен и географических названий. В тексты включены энциклопедические вставки с информацией о государственных деятелях, документах, событиях. Помимо графиков, таблиц, диаграмм издание снабжено значительным количеством иллюстративного материала. В нем представлены карикатуры, планы сражений, портреты выдающихся людей, картины и фотографии, политические карты.

Итак, перед нами фундаментальное новаторское издание, в котором «долгий XIX в.» понимается в философско-историческом смысле, как многоуровневая социальная структура. Читатели погружаются в потоки времени, жизнь людей, обществ, национальных государств, империй, где локальные традиции уже стали вытесняться нормативной универсализацией. Это многоплановый диалог со временем, в котором неизменно проступает современность. Пятый том «Всемирной истории» представляет собой образец сочетания междисциплинарных подходов и строго выверенных описательных нарративов. Безусловно, он открывает новые горизонты

не только в научном осмыслении XIX в., но и в его изучении в школах, гимназиях и университетах. На его основе возможна разработка новых учебников и учебных пособий, методических материалов для учителей и преподавателей высшей школы. Высокий методологический уровень, новаторские подходы, широкий диапазон национальных, региональных и глобальных тем ставят этот труд в один ряд с лучшими достижениями отечественной историографии последнего времени.

Примечания

- ¹ *Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München: C.H. Beck, 2009. 1568 s. Первые пять изданий книга выдержала в 2009–2010 гг. Новое издание, переработанное, было осуществлено в 2011 г.
- ² *Bayly C.* The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparison. Oxford, 2004.
- ³ *Osterhammel J.* Op. cit. S. 16.